

ISSN 0130—9730

Филологические
науки

6*1988

Филологические науки

Журнал выходит 6 раз в год

6*1988

Издается с 1958 года

Москва
«Высшая школа»

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

П. А. Николаев
(главный редактор),
В. П. Вомперский
(зам. главного редактора),
Г. Г. Виноград
(ответственный секретарь),
В. П. Аникин,
Т. В. Балашова,
А. Г. Бочаров,
Н. С. Валгина,
В. С. Виноградов,
Б. П. Гончаров,
В. И. Гусев,
Вал. В. Иванов,
Л. Ю. Максимов,
Н. П. Михальская,
И. В. Мыльцына,
Н. В. Осьмаков,
П. Г. Пустовойт,
М. К. Румянцев,
Н. А. Слюсарева,
И. И. Чернышева,
В. Н. Ярцева

Старший редактор —
О. В. Шапошникова

Редактор — Т. Е. Ширма

Адрес редакции:
103009, Москва, К-9,
просп. Маркса, 18
Тел: 203-36-23

СОДЕРЖАНИЕ

Статьи

- М. Г. Зельдович, Г. В. Плеханов — историк русской критики (Об особенностях исследовательского метода) . . . 3
И. В. Грачева, И. Н. Крамской и русская литература . . . 10
Г. М. Холодова. Страдание и сострадание (О некоторых аспектах полемики Горького с Достоевским) . . . 16
С. И. Храмова. «Восточный вопрос в панораме» Н. П. Огарева и традиции городского фольклора . . . 21
Г. Э. Ионкис. Поэзия Д. Г. Лоуренса в контексте идейно-эстетических исканий 1910—1920-х годов . . . 25
М. П. Кизима. Становление реализма в творчестве Роберта Лоуэлла . . . 31
В. П. Малащенко. Предикативно-обстоятельственные детерминанты в современном русском языке . . . 38
В. Б. Крысько. Транзитивные косвенно-возвратные глаголы с взаимным значением в истории русского языка . . . 41
Н. Н. Чайковская (Сергеева). Об одной структурной разновидности бессоюзных сложных предложений . . . 47
Л. М. Медведева. Спорное в проблеме номинализации . . . 52
Н. Г. Кирвалидзе. Прагматический аспект дейктических средств языка (на материале современного английского языка) . . . 58
Е. Е. Анисимова. Коммуникативно-прагматические нормы . . . 64

Материалы и сообщения

- С. М. Брайович, Э. В. Жулинская. Новые книги о лингвистических трудах Юрия Крижанича . . . 70
С. Г. Николаев. Экспрессивные двухкомпонентные единицы со значением эллиптической плюральности в русском языке . . . 73
Е. Г. Бушканец. Когда начались «университеты» М. Горького? . . . 76

**ПРАГМАТИЧЕСКИЙ АСПЕКТ
ДЕЙКТИЧЕСКИХ СРЕДСТВ ЯЗЫКА**
(на материале современного английского языка)

Н. Г. Кирвалидзе

В настоящей статье делается попытка рассмотреть прагматический аспект дейктических средств языка в свете теории коммуникативной лингвистики.

Современная лингвистика ставит перед собой цель описать язык как речевую деятельность и исследовать всеобщие закономерности организации речевого общения, включая функционирование языковых средств в реальных речевых актах.

Реальный процесс общения протекает в форме высказываний, составляющих разнонаправленную (от говорящего к слушающему и наоборот) их последовательность, которая в конечном счете образует диалогический текст¹. Всякое высказывание как элементарная единица коммуникации содержит определенное сообщение, в основе которого лежит та или иная пропозициональная структура. Назначение сообщения состоит в том, чтобы через установление связей между предметами и явлениями передать коммуникантам свое знание предмета с той мотивацией, которая нацелена на побуждение собеседника к определенным действиям: интеллектуальным или материальным². Данное толкование высказывания восходит к идеям основателей теории речевых актов — к Дж. Остину³ и Дж. Серлю⁴. Исходный тезис теории речевых актов — разграничение пропозиционального содержания высказывания и его иллокутивной функции. При таком понимании коммуникации последняя расчленяется на элементы, включающие как сами языковые факты, так и исполнителей речевых актов — коммуникантов. Указанная концепция легла в основу семантико-прагматического представления высказывания, где под пропозицией понимается привлечение в зону рассмотрения определенных объектов и приписывание им некоторых свойств (акты референции и предикации), а под иллокутивной функцией высказывания — намерение, или интенция, говорящего. В соответствии со своей интенцией и с учетом фонда зна-

ний адресата субъект речи осуществляет референцию с помощью разных языковых средств, среди которых особое место занимают дейктические слова⁵.

Дейктические средства выделяются в лексико-семантической системе языка в особый семиологический класс слов, противостоящий по определенным семантическим признакам другим классам. Основное назначение указанных слов сводится к идентификации и дифференциации чувственно воспринимаемых в непосредственной или воссозданной речевой ситуации предметов (в широком смысле этого слова) и явлений на основе тех признаков, которыми эти предметы и явления характеризуются относительно основных координат коммуникативного акта: коммуникантов, момента речепроизводства и пространственных характеристик объектов⁶ коммуникативной ситуации. Тем самым дейктические средства языка играют важнейшую роль в организации речевых единиц. К дейктическим средствам относятся прежде всего местоимения — личные, указательные, притяжательные, а также местоименные наречия времени и места. Семантика этих слов прагматична: она по меньшей мере включает время и место речепроизводства, говорящего и слушающего с их общим фондом знаний, а также предметы и явления, находящиеся в центре внимания. В настоящей работе рассматриваются некоторые аспекты прагматической обусловленности использования в тексте дейктических средств современного английского языка.

В современной лингвистике наметились два подхода к определению прагматического аспекта языка. Первый — это использование языкового знака как средства формирования определенной мысли с последующим достижением какого-либо результата коммуникации, одним из которых исследователи считают достижение наиболее эффективной словесной формы выражения мысли. Так, Т. Ван Дейк

полагает, что выбор вариантов в той или иной ситуации определенных языковых средств целиком зависит от прагматической установки автора, не связанной с каким-либо изменением информативной сущности текста⁷. По мнению Г. В. Колшанского, сознательный выбор тех или иных языковых средств, нацеленных как бы на осуществление замысла — как можно лучше выразить свою мысль, уже не есть сама речевая деятельность, это скорее оценочная деятельность человека, представляющая собой стилистическую обработку того или иного текста⁸. Идея о связи прагматики со стилистикой развивается Ю. С. Степановым. В его концепции в основу понятия современной прагматики кладется категория субъекта, так как выбор языковых средств осуществляется автором речи в соответствии со своими намерениями⁹. Следовательно, акт референции связывается с интенцией говорящего. Понимание референции как субъективного акта, определяемого намерением говорящего, вызвало интерес многих лингвистов¹⁰. Данный прагматический подход к референции в научной литературе именуется интенциональным подходом¹¹.

Второй подход к определению прагматического аспекта языка предполагает воздействие речевого акта на партнера коммуникации как в физическом, так и в интеллектуальном отношении. Ориентация речевого акта на то или иное воздействие есть не что иное, как реализация глобального замысла автора, ожидающего адекватную интерпретацию своего замысла со стороны получателя информации в полном согласии с теми речевыми средствами, которые были использованы для воплощения конкретной цели¹². Такой подход предполагает включение в механизм референции контекстуальной информации и фонда знаний собеседников, дополняющих семантику референтного выражения до такого объема, который достаточен для идентификации предмета речи. Именно так конституируется механизм референции в концепции Дж. Серла, в которой акт референции представлен как отношение между намерением говорящего и узнаванием этого намерения адресатом.

В соответствии с вышеуказанной точкой зрения в настоящей статье

под прагматической обусловленностью использования дейктических средств языка в тексте понимается осуществление акта референции в соответствии с коммуникативной интенцией автора речи и учетом фонда знаний адресата, а также речевой ситуации в целом. В работе рассматривается экспрессивная модальность дейктических слов в тексте, возникающая в результате:

1) остенсивного указания, сопровождающего дейктические слова в тексте;

2) модально-оценочного назначения дейктических слов в тексте;

3) модально-экспрессивных коннотаций дейктических слов, возникающих при употреблении последних в зачине текста.

1. Остенсивное указание, сопровождающее дейктические слова в тексте

Сопровождение дейктических слов остенсивным указанием в высказывании предполагает осуществление референции субъектом речи с помощью дейктического слова и указания жестом¹³ на предметы, лица, присутствующие в актуальном акте речи.

Еще К. Бюлер указывал на связь дейктического слова с жестом, отмечая, что «произнесенные дейктические слова адекватно ориентируют собеседника» в акте речи и их сопровождение паралингвистическими средствами типа жестов и их эквивалентов значительно «улучшают и завершают ориентацию собеседника в той ситуации, в которой они употребляются»¹⁴.

Идея связи дейктических языковых средств с жестами привлекла внимание многих лингвистов. Было установлено, что наибольшей степенью остенсивности характеризуются дейктические слова непосредственного указания, т. е. указательные местоимения и местоименные наречия места, в то время как личные местоимения гораздо меньше ориентированы на жест, а наречия времени лишены связи с жестами совсем. Дейктические слова непосредственного указания употребляются преимущественно для выделения объекта из окружающей среды и привлечения к нему внимания собеседника, при этом они сопровождают-

ся указательными жестами. В этом случае слова непосредственного указания выполняют аттрактивную функцию.

Интересную интерпретацию взаимосвязи дейктического слова и жеста находим у Ш. Балли и К. Танц. Эти исследователи рассматривают дейктические языковые средства как своеобразные «звуковые жесты», функцией которых является подкрепление мимического жеста¹⁵. Функционирование дейктических слов здесь сведено к функции вокального дублирования жестов.

Дейктическое использование и описание местоименных наречий места находит отражение в ряде диссертационных работ. Авторы устанавливают инвентарь дейктических значений наречий *here* и *there* на основе тех или иных признаков, одним из которых является присутствие/отсутствие остенсивного сопровождения акта референции. Так, в работе И. А. Стернина отмечается, что условиями реализации так называемого «презентативного значения» наречий *here* и *there* являются инверсия наречий и мимико-жестикулярное указание говорящим на объект. Напр.: «Bert ... held up the other hand to wave. 'Here they are', he said, nodding at two young women pushing in from the doorway» (Sillitoe. *Key to the Door*.— P. 311). Аналогично сопровождаются указательными жестами говорящего лица наречия *here* и *there* и при реализации у них значения «конкретная точка на какой-либо поверхности»¹⁶. Напр.: «Dreadful pain *here*», and he placed his hand on his right side (Galsworthy. *The Man of Property*.— P. 27).

Однако автор не раскрывает сущности этого явления. На наш взгляд, остенсивное подкрепление дейктических знаков жестами обуславливается двумя факторами: во-первых, одним из основных признаков дейктических словесных знаков является то, что конкретизация референционального соотношения происходит в непосредственной или воссозданной речевой ситуации в границах чувственного восприятия субъекта речи и в силу этого их значение является прагматически контролируемым (в приведенных примерах соотношение дейктических слов с референтами так и контролируется

указательными жестами); во-вторых, представляется, что подкрепление дейктических слов паралингвистическими средствами диктуется и интенцией говорящего, поскольку его речь направлена на воздействие на адресата речи с целью достижения какой-либо его реакции (от понимания до физических действий).

Исследование языкового материала позволяет сделать вывод о том, что в большинстве случаев подкрепление дейктических знаков остенсивным указанием предопределяется прагматической установкой коммуникативного акта, в частности фондом общих знаний адресата речи. Так, подкрепление дейктического указания паралингвистическими средствами необходимо в той коммуникативной ситуации, когда в референтные выражения вовлекаются неизвестные ранее адресату предметы реального мира. Для иллюстрации приведем отрывок из романа Дж. Голсуорси «Собственник»:

Ср.: He (old Jolyon. — H. K.) began to mount the stairs with her, slowly, for he felt his side.

“*These are the bathrooms*”, he said, “and other arrangements. I’ve had them tiled. The nurseries are along *there*. And *this is Jo’s and his wife’s*. They all communicate. But you remember, I expect.

Irene nodded. They passed on, up the gallery, and entered a large room with a small bed and several windows.

“*This is mine*”, he said. The walls were covered with the photographs of children and water-colour sketches, and he added doubtfully.

“*These are Jo’s*. The view’s first-rate. You can see the Grand Stand at Epsom in clear weather” (Galsworthy. *The Man of Property*. — P. 327—328).

В приведенном отрывке описывается сцена, в которой старый Джолион знакомит Ирэн с расположением комнат в его доме. Это первый визит Ирэн в его дом, и поэтому данный коммуникативный акт характеризуется насыщенностью новой для нее информации. Осуществляя акт референции, старый Джолион, руководствуясь коммуникативным намерением, сопровождает дейктическое языковое указание жестом. Использование лингвистических и паралингвистических средств в акте референции гарантиру-

ет успешную идентификацию адресатом объекта речи.

Таким образом, подкрепление дейктических языковых средств остенсивным указанием предопределяется инвариантным значением дейктического знака и прагматической установкой коммуникативного акта.

2. Модально-оценочное назначение дейктических слов в тексте

Дейктические средства языка в первую очередь функционируют для идентификации и дифференциации предметов и явлений экстралингвистической реальности относительно координат речевого акта. Однако их назначение не ограничивается лишь этим. В конкретных речевых ситуациях дейктические слова приобретают дополнительные коннотативные значения в соответствии с интенцией говорящего. Исследования показывают, что в основном эти коннотации характеризуются субъективной модальностью автора речи и возникают лишь там, где основные указательные функции дейктических слов оказываются избыточными.

В процессе общения говорящий выдвигает на первый план то одно, то другое значение слова, реализуя свое коммуникативное намерение. В определенных речевых ситуациях основное назначение дейктических слов — идентифицировать предмет — оказывается избыточным, а дейктический указатель выступает в другой функции, предопределенной субъектом речи. Языковые факты показывают, что в основном в современном английском языке в таких случаях дейктические слова характеризуются субъективной модальностью, приписывая объекту речи или мысли тот или иной признак оценочного содержания. Ср.: "His (Dartie's.—H. K.) thoughts turned gloomily to the Forsytes. What a set they were! ... They were so d-d particular about money matters... *That* fellow Soames, for instance, would have a fit if you tried to borrow a tenner from him...

And *that* wife of his (Dartie's mouth watered involuntarily) ... she could go far enough, he wouldn't mind betting. He knew women; they weren't made with soft eyes and figures like that for nothing, as *that* fellow Soames would jolly soon find out, if there were anything in what he had heard

about *this* Buccaneer Johnny" (Galsworthy. *The Man of Property*. — P. 183—184).

В приведенном отрывке модальная оценка субъектом речи выделенных персонажей реализуется указательными местоимениями *that* и *this*. В данном употреблении идентифицирующее значение этих слов избыточно. В первом случае — *that* fellow Soames — фигурирует имя собственное, которое, называя объект, обладает свойством единичной референции, независимо от условий коммуникации. Специфика указательных конструкций, как собственно идентифицирующих, заключается в том, что, после того как идентификация уже имела место, демонстратив становится излишним в этой функции и приобретает периферийные значения¹⁷. В сочетании с именем собственным значение указательного *that* варьируется, в нем исчезают основные дейктические семы: «указание на известный/неизвестный для общающихся предмет» и «указание на степень удаленности характеризуемого предмета от центра речевой координации». На первый план выдвигаются оценочные семы отрицательной модальности, которая усиливается под влиянием детерминатива *fellow*, также реализующего отрицательную коннотацию. Такое употребление дейктического языкового средства можно интерпретировать как стилистический прием, осуществляемый говорящим для большей выразительности своих намерений. Во втором случае идентификация выделенного предмета осуществляется с помощью именного выражения с сингулярным значением, соответствующим знанию адресата — *that* wife of his. Конкретизирующим идентификатором в этом выражении служит possessive *his*, репрезентирующее отношение родства. Соответственно, дейктическое *that* избыточно в своей основной функции и реализует оценочный смысл, который в данном контексте имеет иронический характер. Экспрессивность оценочной модальности на этот раз усиливается использованием предложной формы Genitive-a (of his), которая в данном употреблении является отклонением от норм английского языка. В третьем выражении — *this* Buccaneer Johnny — референция осуществляется гово-

рящим посредством метонимической номинации характеризуемого предмета. Известно, что интерпретация высказывания зависит от знания предшествующих высказываний текста, а также от множества следствий, которые вытекают на их основе. Действительно, читатель уже знает, что Виссапеер является прозвищем Босини, и поэтому он обладает единичностью референциального соотношения, т. е. является средством конкретной референции. В указанном имени реализуется отрицательная оценка Босини со стороны Форсайтов. Однако в данном речевом акте субъектом речи является Дартий, который выражает собственную оценку характеризуемого лица, дав ему прозвище Johnny. Оценочная модальность усиливается дейктическим средством *this*, которое избыточно в идентифицирующей функции.

Наблюдение над языком показывает, что указательные местоимения реализуют оценочную модальность еще в том случае, когда в них нейтрализуется семантическое противопоставление по степени «удаленности от говорящего лица». По мнению Ч. Филлмора, условием нейтрализации противопоставления *this/that* является малое расстояние от говорящего до объекта указания¹⁸. Некоторые исследователи полагают, что в подобных случаях указательные местоимения практически теряют дейктические пространственные признаки и выступают в чисто аттрактивной функции¹⁹. Представляется, что данная точка зрения является неточной, поскольку в случае нейтрализации основных дейктических сем в структуре слова значение последнего приобретает дополнительные семантические признаки оценочной модальности, смысл которых конкретизируется контекстом высказывания.

Ср.: He (Soames. — *H. K.*) hardly recognized her. She seemed on fire, so deep and rich the colour of her cheeks, her eyes, her lips, and of the unusual blouse she wore...

"I don't like *that* blouse", he said slowly, "it's a soft, shapeless thing!"

He lifted his finger towards her breast, but she dashed his hand aside (Galsworthy. *The Man of Property*. — P. 239).

В приведенном высказывании в

указательном местоимении *that* нейтрализован признак «удаленности от говорящего лица», так как говорящий дотрагивается до объекта речи рукой; взамен в семантической структуре слова реализуются коннотативные семы оценочной модальности отрицательного характера, что и манифестируется в следующем фрагменте высказывания. Следует отметить, что в большинстве случаев оценочная модальность носит отрицательный характер, а положительная оценка объекта речи встречается очень редко. Ср.: He (old Jolyon. — *H. K.*) noticed two or three silver threads in her amber-coloured hair, strange hair with *those* dark eyes of hers, and *that* creamy-pale face (Galsworthy. *The Man of Property*. — P. 325).

Таким образом, в современном английском языке дейктические слова выступают в модально-оценочной функции тогда, когда их основное значение дейктической или анафорической идентификации оказывается избыточным или нейтрализованным благодаря речевой ситуации или языкового контекста.

3. Экспрессивная модальность дейктических слов в зачине текста

Дейктические слова, как правило, не употребляются при начальном наименовании предмета, следовательно, они не помещаются в зачине текста. Такое положение неразрывно связано с коммуникативной ситуацией, в частности с интенцией отправителя информации и общим фондом знаний ее получателя.

Представляется, что в начале текста обычно вводится лицо или предмет, который не знаком читателю. Такой предмет должен быть введен в фонд знаний адресата речи. Автор речи не может прибегнуть в этом случае к средствам конкретной референции. Обычно текст начинается неопределенной дескрипцией таксономического характера, которая в высказывании выполняет интродуктивную функцию. По мнению Н. Д. Арутюновой, для введения предмета в фонд знаний адресата достаточны сведения о его существовании и таксономии, а в дальнейшем ходе повествования автор широко пользуется идентифицирующими данными, которые оцениваются относительно предтекста²⁰.

Дейктические средства языка осуществляют идентификацию предмета относительно действительности (в собственно дейктической функции) и идентификацию предмета по отношению к тексту (в анафорической функции). В первом случае значение дейктического слова конкретизируется в речевой ситуации, а во втором — в контексте речевого произведения. Исходя из этого, адекватная интерпретация высказывания, содержащего дейктическое слово, требует знания предшествующего контекста. «Языковой индекс может указывать на тот же самый «объект», на который указывает употребленное ранее выражение, это последнее может, в свою очередь, отсылать к другому индексу, выступающему еще раньше, но в конце концов где-то в предшествующем тексте существует выражение, которое указывает на данный «объект» впервые»²¹.

Однако в художественной литературе нередки случаи, когда текст начинается дейктическим словом. Такой зачин служит стилистическим приемом. Появление дейктического слова в начальном высказывании неразрывно связано с модальной оценкой автора, которая проявляется, с одной стороны, в субъективных особенностях отбора и организации языкового материала; с другой — в прагматической направленности его речи, нацеленной на стимулирование читательского интереса.

В случае первого упоминания о данном объекте, выраженном дейктическим словом, объект конкретизирован лишь в замысле отправителя информации, поскольку отправитель один обладает нужной о нем информацией. Коммуникативное намерение автора речи в данном случае заключается в стимулировании познавательной активности у получателя информации (читающего, слушающего). Дейктическое слово в интродуктивном высказывании и выполняет эту важную функцию, ибо получатель информации приходит в состояние ожидания сведений (знаний), необходимых и достаточных для понимания смысла данного высказывания. Проиллюстрируем сказанное интродуктивным текстом из романа Ирвинга Стоуна «Immortal Wife»:

“She swept into the reception room

of Miss English’s Academy. Her hazel eyes bright with anger, the rustle of her taffeta gown raised from a crisp whisper to a cry by the vigor of her movements. Looking neither to right nor left Jessie Benton stormed up to her father and said in a low voice:

“I won’t stay in this school another day. I’m going home with you tonight” (Stone. Immortal Wife. — P. 1).

В приведенном зачине автор знакомит читателя с главной героиней романа Джесси. С первых же строк ощущается выражение субъективного к ней отношения автора. Субъективная модальность заключается в нарушении правил первого упоминания объекта речи. Автор умышленно вводит этот объект дейктическим словом *she*, прагматическая направленность которого нацелена на то, чтобы читающий сразу осознал важность этой персоны и обратил на нее должное внимание. Интенция автора в языковом плане реализуется следующим способом: объект должен быть введен в текст первый раз с помощью неопределенной дескрипции. Вместо этого объект вводится дейктическим словом, которое является средством конкретной референции. И поскольку читающий не обладает достаточной информацией, необходимой для идентификации объекта речи, он стремится как можно быстрее получить эту информацию и раскрыть смысл высказывания. В этом заключается экспрессивная модальность дейктических слов в зачине текста.

Таким образом, прагматическая установка коммуникативного акта предопределяет появление у дейктических языковых средств дополнительных периферийных функций в тексте.

¹ Даже монологическая речь в письменной форме имплицитно предполагает существование получателя информации, т. е. адресата, выступающего в роли читателя.

² См.: Колшанский Г. В. Коммуникативная функция и структура языка. — М., 1984. — С. 65.

³ См.: Austin J. L. How to do things with words. — Oxford: Clarendon press. — 1983.

⁴ См.: Серл Дж. Р. Референция как речевой акт // Новое в зарубежной лингвистике. — М., 1982. — Вып. 13. — С. 179—202.

⁵ См.: Searle J. R. Speech acts: An essay in the philosophy of language. Cambridge university press. — 1969. — P. 184; Quine W. O. From a logical point of view. — Cambridge (Mass): Harvard university

press. — 1959. — P. 13; Стросон П. Ф. Идентифицирующая референция и истинностное значение // Новое в зарубежной лингвистике. — Вып. 13. — С. 55—86; Арутюнова Н. Д. Лингвистические проблемы референции // Новое в зарубежной лингвистике. — Вып. 13. — С. 5—50; Вольф Е. М. Грамматика и семантика местоимений. — М., 1974. — С. 5; Падучева Е. В. Высказывание и его соотношенность с действительностью. — М., 1985. — С. 10—11; и др.

⁶ «Объекты коммуникативной ситуации» включают в себя как коммуникантов, так и другие предметы (в широком смысле этого слова).

⁷ См.: Дейк Т. В. Вопросы прагматики текста // Новое в зарубежной лингвистике. — М., 1978. — Вып. 8. — С. 178.

⁸ См.: Колшанский Г. В. Указ. соч. — С. 136.

⁹ См.: Степанов Ю. С. В поисках прагматики (проблема субъекта) // Изв. АН СССР. СЛЯ. 1981. — № 4. — Т. 40. — С. 325—332.

¹⁰ См.: Линский Л. Референция и референты // Новое в зарубежной лингвистике. — Вып. 13. — С. 161—178; Серл Дж. Р. Указ. соч.

¹¹ См.: Арутюнова Н. Д. Указ. соч. — С. 15.

¹² См.: Колшанский Г. В. Указ. соч. — С. 146—148.

¹³ «Жест» интерпретируется двояко: как кинематический знак (указание рукой, пальцем, каким-либо предметом) и как мимический знак (указание кивком головы, взглядом и т. д.).

¹⁴ Bühler K. Sprachtheorie. — Jena, 1934.

¹⁵ См.: Балли Ш. Общая лингвистика и вопросы французского языка. — М., 1955. — С. 96; Tanz C. Sound symbolism in words relating to proximity and distance // Language and Speech. — 1971. — Part 3. — Vol. 14.

¹⁶ См.: Стернин И. А. К проблеме деiktических функций слов // АКД. — М., 1973.

¹⁷ См.: Daneš F. The relation of centre and periphery as a language universal // Travaux linguistiques de Prague. — Prague, 1966. — N 2. — P. 5; Вольф Е. М. Указ. соч. — С. 118.

¹⁸ См.: Fillmore Ch. Toward a theory of deixis // Working papers in Linguistics. — 1971. — N 4. — Vol. 3. — P. 224.

¹⁹ См.: Стернин И. А. Указ. соч. — С. 15.

²⁰ См.: Арутюнова Н. Д. Указ. соч. — С. 26—27.

²¹ Беллерт И. Об одном условии связности текста // Новое в зарубежной лингвистике. — Вып. 8. — С. 187.

Тбилиси

КОММУНИКАТИВНО-ПРАГМАТИЧЕСКИЕ НОРМЫ

Е. Е. Анисимова

В современном языкознании изучение языковой нормы приобретает особую актуальность в связи с коммуникативно-функциональным подходом к языку, пониманием языка как коммуникативной деятельности, признанием текста в качестве высшего элемента коммуникации. В свете коммуникативно-деятельностной концепции языка языковая норма выступает как коммуникативно-языковая норма. Широкое понимание языковой нормы, объединяющее системно-структурный и функциональный аспекты данного понятия¹, явилось логическим продолжением на современном этапе взглядов пражских лингвистов на языковую норму как на коммуникативный феномен, данность функционирующего языка. Б. Гавранек писал: «Под языковой нормой я понимаю то, что, с одной стороны, обозначается как речевая деятельность (*energeia*), а с другой стороны, как продукт этой деятельности (*ergon*), но в данном случае в плане обязательности — обязательности в сфере *ergon* для достижения наи-

лучших результатов в сфере *energeia*»². Коммуникативно-языковая норма существует в виде множества норм, отражающих ее единство и многообразие и различающихся разной степенью императивности. Наиболее жесткими являются нормы, регламентирующие языковые средства. Сюда относятся фонетические, морфологические, синтаксические, лексические, семантические, орфографические нормы. Данные нормы, абстрагированные от конкретных речевых ситуаций, имеют всеобщий характер, а их знание является необходимым условием для осуществления речевой деятельности на данном языке.

К наименее обязательным относятся нормы, регулирующие употребление языка в разных условиях и ситуациях общения. Данные нормы отличаются вариантностью, подвижностью, они маркируют, как правило, лишь предельные границы, внутри которых возможно варьирование речевых реализаций в тех или иных условиях коммуникации. Знание ситуатив-